

В. А. Черкасов¹*ФГАОУ ВО Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Белгород, Россия)*

ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ Л. ТОЛСТОГО В ВОСПРИЯТИИ Ф. ПАКТОВСКОГО

В статье рассматривается очерк «Русские на войне» (1905) Ф. Пактовского. Предложена гипотеза: установка критика на пропаганду противоречит военному дискурсу Толстого. Рассматриваются концепты военной пропаганды Г. Лассуэлла – одного из теоретиков пропаганды и проецируются на военно-патриотический дискурс Пактовского; выявляются в военных рассказах Толстого актуальные для военно-патриотического дискурса Пактовского посылы, его приемы работы с текстами Толстого, степень овладения им своим источником. Следуя за Толстым в передаче страданий войны, Пактовский отразил противоречия военного меседжа писателя, далекого от норм военной пропаганды. В подтексте очерка Пактовского содержится требование правды в передаче происходящего на полях боевых действий по образцу описаний Толстого.

Ключевые слова: Ф. Пактовский, Л. Толстой, Г. Лассуэлл, Вс. Гаршин, военная пропаганда, пацифизм, русско-японская война

Valeriy Cherkasov*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Belgorod National Research University» (Belgorod, Russia)*

WAR STORIES BY LEO TOLSTOY IN THE PERCEPTION OF F. PAKTOVSKY

The article examines the essay “Russians at War” (1905) by F. Paktovsky. The hypothesis is proposed that the critic’s focus on propaganda contradicts Tolstoy’s military discourse. The concepts of military propaganda by G. Lasswell, one of the theorists of propaganda, are examined and projected onto Paktovsky’s military-patriotic discourse. The article identifies the messages relevant to Paktovsky’s military-patriotic discourse in Tolstoy’s war stories, as well as his methods of working with Tolstoy’s texts and his level of mastery over his source. Following Tolstoy in conveying the suffering of war, Paktovsky reflected the contradictions of the writer’s military message, which was far from the norms of military

¹ Валерий Анатольевич Черкасов – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия). E-mail: cherkasov.valeri@mail.ru.

propaganda. The subtext of Paktovsky's essay contains a demand for truth in the portrayal of what happens on the battlefields, following the example set by Tolstoy.

Keywords: F. Paktovsky, L. Tolstoy, H. Lasswell, Vs. Garshin, war propaganda, pacifism, Russian-Japanese war

Живший во второй половине XIX – начале XX веков и создавший целый ряд литературно-критических очерков о творчестве русских писателей-классиков (Н. Гоголь, А. Толстой, В. Короленко, Вс. Гаршин, А. Чехов, Л. Толстой), Ф. Пактовский (1856–1922) в настоящее время интересен только краоведам, в основном из Казани, поскольку является уроженцем этого города и выпускником местного университета. На наш взгляд, его тексты заслуживают более пристального и, так сказать, масштабного внимания со стороны исследователей самых разных гуманитарных специальностей, ввиду их характерности для понимания уровня определенных литературно-критических направлений рубежа веков, связанных с рассмотрением жизни и творчества того или иного упомянутого выше писателя. Насколько нам известно, восприятие Пактовским творчества Толстого еще не становилось предметом для обсуждения.

Критик рассматривал однажды военные рассказы Толстого в своей брошюре «Русские на войне. По произведениям Вс. М. Гаршина и Л. Н. Толстого», которая была опубликована в 1905 г. в г. Моршанске, в типо-литографии В. И. Холуянова. Впервые этот очерк, по указанию самого автора, «был прочитан <...> на публичной лекции в г. Моршанске в пользу Красного Креста 14 марта 1904 года» (П, с. 9)², то есть в первые месяцы русско-японской войны. Его целью объявляется поднятие морального духа граждан Российской империи: «Главная цель моего, незатейливого по теме очерка, состоит в том, чтобы указать на эту силу несокрушимую, раскрыть то русское народное сокровище, ту нравственную мощь, “искру сокрытую”, которою крепка была наша родина в години войн и которою она приобрела себе право устойчивого гражданского и государственного существования» (П, с. 3–4). К моральному капиталу Пактовский добавлял капитал материальный, объявляя о пожертвовании выручки от продажи издания на нужды воюющей армии: «Если потерянное при чтении время не окупится интересом, зато оно вполне окупится тою целью, которую я имел, выпуская это издание. Выручка от его продажи, за исключением

² Здесь и далее очерк Ф. Пактовского «Русские на войне» цит. по: [Пактовский, 1905]. Номера страниц указываются в круглых скобках после цитаты. Перед номером страницы добавляется буква П.

необходимых расходов по изданию, будет отослана туда, где теперь «трудно дышится, где стон и горе слышится!» (П, с. 50). Из произведений Толстого критик рассматривал рассказы «Рубка леса», «Набег», а также «Севастопольские рассказы» и фрагменты из романа «Война и мир».

Таким образом, Пактовский ставит перед собой военно-патриотические, пропагандистские, цели и при этом за основу своего дискурса берет военные произведения Толстого 1850–1860-х годов. Между тем, если принять во внимание хотя бы отклики «первочитателей» на эти произведения, собранные и проанализированные Г. Ищуком, месседж «правды» у Толстого не ограничивался пропагандистской направленностью, но вызывал и противоположное, потенциально пацифистское, воздействие на мнения и эмоции современников.

Например, «новая поэтичность» реалистических описаний Толстого до такой степени впечатлила С. Толстого, что его положительное эмоциональное восприятие военных действий на Кавказе готово было перерасти в конкретное действие, – присоединение к добровольческому движению. «“Набег” очень хорош», – оценивал он рассказ в письме брату от 12 апреля 1853 года. – «*Хлопов, Розенкранц, молодой прапорщик, татарин (Шамиль середка будет), подголосок шестой роты*, который везде так вовремя является с своим тенором и которого я, кажется, вижу и слышу. Одним словом, все хорошо: и переправа через реку, где *артиллерийские ездовые с громким криком рысью пускают лошадей по каменному дну, ящики стучат, но добрые черноморки дружно натягивают уносы и с мокрыми хвостами и гривами выбираютя на другой берег*. Вижу все это и завидую, что я не на Кавказе. Отчего ты меня не пускаешь на Кавказ?..» [Цит по: Ишук, 1984, с. 32]³. В то же время, натуралистичность военных описаний в «Набеге» у Т. Ергольской не вызвала никаких других эмоций, кроме ужаса и страха за жизнь своих племянников, другими словами, эмоций, «секвестирующих» провоенные настроения, препятствующих их проявлению в виде конкретного участия объекта переживания в боевых действиях: «Ах, ежели бы ты знал, какое я переживаю горе, когда я долго без известий, думая, что ты в походе, среди всех ужасов войны, и я содрогаюсь от страха, от всего того, что подсказывает мне воображение, особенно с тех пор, как я прочла твое последнее сочинение («Набег», рассказ волонтера). Оно произвело на меня такое впечатление, что я с трудом удерживала слезы, слушая его в чтении Сережи. Ты описываешь все так верно, так натурально

³ Курсив здесь и далее наш. – К. Ч.

этот набег, в котором ты участвовал волонтером, что я вся дрожала, думая о всех опасностях, которым вы с Николенькой подвергались...» [Там же]⁴.

Такие же прямо противоположные эмоции наблюдаются в восприятии «первочитателями» «Севастополя в декабре». Например, после его прочтения И. Аксаков пожелал присоединиться к защитникам города: «Очень хорошая вещь, после которой хочется в Севастополь – и кажется, что не струсить и храбриться не станешь. Какой тонкий и в то же время теплый анализ в сочинениях этого Толстого» [Там же, с. 45–46]⁵. А А. Писемский, наоборот, ощутил вселенский ужас от «новой правдивости» толстовских описаний войны: «Ужас овладел, волосы становятся дыбом от одного только воображения того, что делается там. Статья написана до такой степени безжалостно честно, что тяжело становится читать» (из письма А. Островскому от 26 июня 1855 года) [Там же, с. 45].

Биполярные эмоции («энтузиазм» и «боль») при восприятии «Севастопольских рассказов» отразились в мемуарах близкой ко двору Е. Нарышкиной: «Жестокая война все еще продолжалась. Малахов курган стоял последним отважным борцом за честь родины. Я читала только что появившиеся “Севастопольские рассказы” графа Л. Н. Толстого, и сердце сжималось от энтузиазма и от боли при описании этой героической эпопеи» [Там же, с. 48].

Таким образом, наблюдается противоречие между ангажированным, пропагандистским, характером очерка Пактовского «Русские на войне» и его источником, – военными рассказами Толстого, послужившими для критика средством для создания собственного военно-патриотического дискурса. Отсюда возникает проблема соответствия текста Пактовского принципам военной пропаганды в свете его неоднозначного в плане меседжа источника. Концепты военной пропаганды были впервые сформулированы в 1927 году в классической работе американского социолога Гарольда Лассуэлла «Техника пропаганды в мировой войне». Очевидно, для решения поставленной в нашей статье проблемы необходимо напомнить эти концепты в рамках нашей темы. Следующий шаг в решении поставленной проблемы – выявление в военных рассказах Толстого тех посылов, которые оказались актуальны для военно-патриотического дискурса Пактовского. В этой связи мы обозначим приемы работы Пактовского с текстами Толстого ради поставленной им перед собой цели пропаганды, а также степень овладения им своим источником.

⁴ Из письма Толстому от 27 апреля 1853 года.

⁵ Из письма родителям от 25 августа 1855 года.

I

Дав определение военной пропаганде, Лассуэлл делает акцент на «контроле над мнениями с помощью значимых символов <...> историй, слухов, сводок, изображений и других форм социальной коммуникации; на «манипулировании социальным внушением» [Лассуэлл, 2021, с. 55]⁶ как на релевантных для нее функциях. Тем самым исследователь констатирует характерную для нее замену нравственно-этических норм (правда, искренность) прагматическими соображениями. Именно прагматизм, по Лассуэллу, составляет *sine qua* существования военной пропаганды как вида коммуникации. И свой дискурс исследователь строит исключительно в плане прагматизма, конечного целеполагания военной пропаганды, для которой нравственно-этические нормы служат только средством для манипулирования общественным мнением.

Прежде всего Лассуэлл выделяет генерализирующий для военной пропаганды концепт «единства нации» (Л, с. 55], поскольку от него зависит «приток рекрутов на фронт и на военные предприятия» [Там же]; отсутствие панических настроений в тылу и на передовой (Л, с. 56). По словам исследователя, особенную актуальность пропагандистский концепт «единства нации» приобретает в периоды «упадка личной преданности вождям» (Л, с. 57).

Согласно Лассуэллу, концепт «единства нации» внедряется пропагандой в общественное сознание посредством следующих месседжей.

– Единство на основе общей веры нации в собственную праведность. В этой связи Лассуэлл цитирует немецкого ученого К. Башвица: «...умонастроения общественности <...> складываются в конфликте между неприятным фактом войны и желанием верить в то, что в мире торжествует добро. Следовательно, собственный народ должен выглядеть защитником добра от зла» (Л, с. 90).

– Единство на основе общей истории. По словам Лассуэлла: «Призыв к единству – это, по сути, призыв к истории. Память об общем прошлом имеет могущественную сентиментальную ценность. <...> Нельзя допустить, чтобы какие-либо из чувств, глубоко укорененных в социальной традиции, были проигнорированы, когда требуется оправдать воинствующий идеализм через убийства и ненависть» (Л, с. 92).

⁶ Текст работы Г.Т. Лассуэлла цитируется по этому изданию. Далее номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты. Номер страницы сопровождается буквой Л.

– Единство на основе общих ценностей религиозного порядка. По Лассуэлу, в копилке военного пропагандиста весьма видное место занимает интерпретация желательности войны из уст видных представителей церкви. В качестве примера подобной провоенной проповеди исследователь приводит рассуждение британского епископа Герефордского: «Такая война – тяжелая цена за наше продвижение в осуществлении христианства Христова, но долг зовет, и эта цена должна быть уплачена ради блага тех, кто идет вслед за нами. Тот лучший и более счастливый день, когда люди, подчиненные ныне военному правлению, будут сами управлять своей жизнью, несомненно, еще так далек, что старик вроде меня вряд ли может надеяться увидеть, как занимается его зарево, но среди всех тягот уныния и горя, которые эта ужасная война возлагает на наши плечи, мы можем по крайней мере возблагодарить Господа за то, что она на целый большой шаг приближает этот лучший день для предстоящего поколения» (Л, с. 106). На наш взгляд, речь епископа Герефордского построена на реализации архетипа несения креста ради достижения царствия божия. Другими словами, по мнению христианского проповедника, жертвы и страдания, связанные с войной, являются необходимым условием духовного подвига, совершаемого ради счастья будущих поколений и тем самым не только оправданы, но и приобретают настоящую, полновесную цену, подкрепленную кровью.

– Единство через стимулирование веры в конечную победу. По словам Лассуэлла: «Верный путь управлять общественностью – это, конечно, настаивать на конечном успехе нашего дела» (Л, с. 133), «Тезис о конечной победе жизненно необходим для ведения войны, если есть желание, чтобы уныние не подточило решимость людей и не ввергло их во внутренние трения и распри» (Л, с. 139). Верным средством для укрепления уверенности внутренней аудитории в конечной победе служат «рассказы о героических достижениях в рутинной и чрезвычайной работе. К рассказам из окопов должно быть добавлено менее драматичное повествование о том, как страна сплотилась в тылу, экономя продукты, изготавливая оружие и ухаживая за ранеными» (Л, с. 139).

– Единство через укрепление доверия к своим лидерам. По словам Лассуэлла: «Для тех многочисленных членов нации, которые видят войну как битву голиафов, необходима пропаганда доверия к лидерам. На человека действует убеждающе, когда он читает хорошо написанную биографию публичного деятеля» (Л, с. 139). В этой связи исследователь упоминает популярные биографии Людендорфа, Китченера, Гинденбурга. По Лассуэлу, подрыв доверия населения к своим лидерам, ведущий к провоцированию революции, является одним

из наиболее эффективных пропагандистских приемов. В этой связи исследователь упоминает такие яркие примеры контрпропаганды, как десантирование из эмиграции в Россию посредством plombированного вагона Ленина и его соратников (Л, с. 186); успокоительные посулы Вильсона в адрес простых немцев, напоминающие, по остроумному замечанию М. Гуса, игру в кошки-мышки [Гус, 1929, с. 15]; подстрекательство лордом Нортклифом национальных меньшинств Австро-Венгерской империи на восстание; «настраивание солдат на фронте против того, что политики, спекулянты и тыловые офицеры якобы предаются излишествам» (Л, с. 188–189); снабжение немцами революционной литературой русских пленных (Л, с. 186); политические карикатуры на кайзера и его сыновей (Л, с. 186), а также на членов немецкого генерального штаба (Л, с. 187).

Далее. По Ласуэллу, в реализации потребного для военной пропаганды концепта «единства нации» существенную роль играет гуманитарная интеллигенция: «К уже названным экономическим и церковным группам можно добавить целое созвездие людей искусства, ученых, учителей, спортсменов и так далее до бесконечности. Члены разговорчивых профессий (проповедники, писатели, промоутеры) зависят в добывании хлеба насущного от способности вызвать эмоциональный отклик в сердцах своей клиентуры. Когда общественность провоцируют на борьбу, клерикал, подходящий к делу с холодным рассудком, совершает самоубийство, так же как и писатель или промоутер. Создается круговой характер реакции, все взаимно друг друга стимулируют. Актер – раб своей аудитории, хотя аудитория и объединена временной зависимостью от актера» (Л, с. 106).

В этой связи исследователь также отмечает характерные для ангажированной художественной литературы приемы героизации войны, с одной стороны, и сглаживания ее «ужасных последствий», с другой. «Оправдание войны будет проходить более гладко, – констатирует Лассуэлл, – если скрывать от глаз общественности неприглядные стороны военного дела. Людям можно позволить абстрактно порицать войну, но нельзя поощрять их слишком живо рисовать ее ужасы» (Л, с. 127), «Еще лучше, разумеется, интерпретация войны в категориях героизма, товарищества, удали и живописности» (Л, с. 128), «... конечно, писатели должны внимательно следить за тем, чтобы в их рассказы не проникало слишком много крови» (Л, с. 128). Очевидно, что такой подход к описанию последствий войны диктуется прагматическими требованиями и исключает меседж «правды» в нравственно-этическом смысле этого слова.

II

Пактовский акцентирует концепт «единства нации» в самом начале своего очерка. Он считает творчество Гаршина лучшим свидетельством этого единства, понимаемого прежде всего на ментальном уровне. Существующая социальная и связанная с этим интеллектуальная стратификация русского общества, по его мнению, только подчеркивает ментальное единство русского народа. И это доказывается совместной деятельностью всего русского народа, вне зависимости от «сословий» и «привилегий» (П, с. 9), не только во время, по его словам, «ужасной войны» (П, с. 9), но и при исполнении таких сугубо мирных, но не менее экзистенциальных для государства «функций» (П, с. 9), как земство и суд. Но, конечно, Пактовскому важно подчеркнуть наличие «единой, но мощной и крепкой силы», то есть «любви к родине» (П, с. 9) в представителях самых разных социальных слоев русского общества именно во время войны: «И русская земля высылала всегда на войну единую, но мощную и крепкую силу! Она и в полководце, она в ординарном солдате, она и в тех, которые из своей шинели делают род носилок и под градом пуль поднимают раненого товарища, она и в тех, по-видимому, слабых существах, в белых фартуках, с нашивным красным крестом, которые отдают свою любящую душу раненым и умирающим. Эта же великая сила, именуемая любовью к родине, должна быть и в тех миллионах, которые остаются в стране при обычных своих общественных работах» (П, с. 9–10). Таким образом, критик акцентирует концепт героичности труда сотрудников Красного Креста в военных госпиталях и лазаретах, имея в виду свою аудиторию.

Пактовский трактует концепт «единства нации» во время войны максимально широко, опираясь на замеченное им в военных рассказах Толстого размывание границ между русскими людьми военного и гражданского состояния. В его формулировке: «У Л. Николаевича русские мужики, идущие в строю, несут с собой свою деревню, а интеллигенты – русский город. Интересы их жизни лишь сменились, а не изменились. Великий писатель не изменяет мирозерцания своих героев, не изменяет их понятий, взглядов, не делает, так сказать, из них героев или деятелей войны, а просто оставляет их русскими людьми известной эпохи, со свойственными им понятиями, взглядами» (П, с. 19), «Как будто вместо лопаты он [русский человек. – В.Ч.] взял топор, вместо косыбы вышел на жнитво: все равно – и то и другое дело, его надо не только делать, но и доделывать» (П, с. 28). По Пактовскому, русские солдаты, беседующие друг с другом перед Аустерлицким сражением в основном на бытовые темы (о Кутузове,

осмотревшем состояние их сапог и «подверток», о нерасторопности ротных квартиреров, о характере местного населения и т. д.), напоминают «деревенских мужичков, покончивших дневную работу» (П, с. 20). Они «вышли на село, сидят себе на заваленках [sic. – В.Ч.] или бревешках и толкуют по-своему о войне, как агличанка [sic. – В.Ч.] все дело портит» (П, с. 20–21).

Итак, рассмотренный концепт размывания границ между военными и гражданскими людьми, характерный, по Пактовскому, для военных рассказов Толстого, мотивирует критика на интерпретацию изображенных в них солдат и офицеров как представителей русского народа в целом. Поэтому он считает уместным и даже необходимым употребление в своем военно-патриотическом дискурсе меседжей гражданской поэзии Н. Некрасова. Так, в прамбуле очерка критик цитирует как актуальный для первых месяцев русско-японской войны фрагмент из главы «Пир на весь мир» «Русь не шелохнется, / Русь – как убитая...», подразумевая под поднимающейся «ратью» потенциальных добровольцев (П, с. 3). Здесь же он цитирует трактуемый в провоенном смысле отрывок из стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин» «Не может сын смотреть спокойно...». Напоминаем также об использовании Пактовским при формулировке цели своего очерка цитат из того же «Пира...» «искра сокрытая», «трудно дышится, где стон и горе слышится». Обсуждая концепт «матери-родины», то есть вариант «единства нации», критик ставит в один ряд стихотворения Некрасова «Рыцарь на час» («не робеть перед правдой-царицей», П, с. 10, «Внимая ужасы войны...», П, с. 10–11) и сцены из рассказа Толстого «Набег» и романа «Война и мир», с передачей святых образов капитану Хлопову и Андрею Болконскому, соответственно. Здесь же Пактовский сопоставляет сцены прощания князя Андрея с отцом и проводов деревенского рекрута из некрасовских «Коробейников» («Весь народ повесил голову...») (П, с. 13). Таким образом, критик варьирует меседж «единства нации», ставя в один ряд проводы в деревне и в помещичьем доме. И хотя в поэме Некрасова грустят всем миром, а в доме Болконских провожают только ближайшие родственники, для Пактовского, очевидно, и те, и другие проводы равноценны по своей символической значимости, реализующей меседж «единства нации».

Пактовский разделяет убеждение Толстого о решающей роли масс в истории, точнее говоря, их духовного состояния. «Героем русской войны является все войско, вместе взятое, – так излагает он историческую концепцию писателя, – а отдельные единицы только более яркие представители этого целого. Великие люди в войне это, по определению Л. Н. Толстого, только

ярлыки событий. Дух войска, – сокрытая в нем мощь, или слабость, – причина победы или поражения» (П, с. 32). Следуя этой установке Толстого, Пактовский обращает самое пристальное внимание прежде всего на солдатские сцены в его произведениях, обильно цитируя наблюдения и самого писателя и диалоги солдат, в которых отражается этот «дух войска»: из «Войны и мира»: перед Аустерлицким сражением (П, с. 21), на мосту при отступлении с Праценских высот (П, с. 25); из «Набега»: рассуждение рассказчика об особенном «такте у нашего солдата – во время опасности умалчивать и обходить те вещи, которые могли бы невыгодно действовать на дух товарищей» (П, с. 22); из «Рубки леса»: рассказы Чикина на бивуаке, в которых отражается, по мысли Пактовского, принципиально «беспечальный» *modus vivendi* русского солдата, обусловленный его коллективистским, или общинным, менталитетом, его растворенностью в коллективе и, следовательно, опять-таки заботой о духовном самочувствии своих сослуживцев (П, с. 23); из «Севастополя в августе»: диалог солдат с Васиным на четвертом бастионе, сцена игры в карты офицеров. Замечательно, что Пактовский не отделяет солдат от их лидеров, – офицеров. Его комментарий к сцене игры в карты может быть отнесен и ко всем упомянутым солдатским сценам: «Да, смех, шуточки, споры из-за проигрыша в обычное время – и дело слишком обычное, а теперь – я особенно подчеркиваю эту подмеченную Л. Н. Толстым черту русского на войне: теперь эта черта – великая сила. Она говорит нам, что люди эти сделали для себя обычным делом смерть и ужас смерти, и никуда не уйдут они от этого дела и стойко доведут его до конца» (П, с. 27). Здесь уместно привести пример употребленного Пактовским анахронизма, – цитаты из речи начальника Квантунского укрепленного района А. Стесселя на тему единства армии: «в атаках “все герои”» (П, с. 35).

Мотив духовной мощи «русского воина» (П, с. 33), по Пактовскому, особенно ярко проявляется в преддверии смерти. В этой связи критик приводит примеры «обычных, страшных и вместе с тем величавых по своей простоте случаев» (П, с. 33): смерть рядовых Шевченко из «Рубки леса» (П, с. 33–34) и Платона Каратаева из «Войны и мира» (П, с. 34–35), офицера Козельцова-старшего из «Севастополя в августе» (П, с. 40–41); подвиг батареи капитана Тушина под Шенграбенем и защитников редута Раевского из «Войны и мира» (П, с. 29–30). Он упоминает также о смерти Пети Ростова и смертельном ранении Андрея Болконского (П, с. 42). На наш взгляд, буквально насыщая свой очерк этими и подобными им натуралистическими сценами, Пактовский стремился тем ярче, по принципу контраста, реализовать концепт «собственного народа как защитника добра от зла». При этом он весьма активно стимулировал мотив праведничества

упомянутых характерных представителей русского народа, который выражается в их жертвенности. Генетически этот мотив восходит к архетипу несения креста и, таким образом, оказывается релевантным также и для концепта «единство на основе общих ценностей религиозного порядка».

Однако, с другой стороны, как бы чувствуя неоднозначность приводимых сцен в плане их провоенного месседжа, Пактовский, как пропагандист, допускает анахронизм, очевидно, пытаясь сгладить в глазах своей аудитории «слишком живое изображение» (Л, с. 127) смерти Шевченко: «В современных нам войнах, особенно в настоящей войне, конечно, таких случаев смерти может уже и не быть. Красный Крест, лазареты, санитары не забудут и не оставят раненого в поле. На нужды войны русские недостатки потекли от чистого, сочувствующего и страдающего сердца, и река эта не должна пересыхать до конца войны» (П, 34). О не менее пацифистской, в плане своего потенциала, сцене гибели Пети Ростова критик предпочитает лишь упомянуть, и даже без названия имени героя: «...смерти Ростова из ром. “Война и мир”» (П, с. 42).

Уже в этих эпизодах становится очевидна адаптация потенциально пацифистских мотивов из военных рассказов, которую допускает Пактовский при создании своего военно-патриотического дискурса. Ту же самую процедуру он применяет и в отношении антивоенного рассуждения Толстого из «Севастополя в мае», построенного на контрасте безмятежной природы и страданий людей на войне: «...в рассказах Л. Николаевича и небо, и земля, и вечер, и утро равно всегда прекрасны и представляют собою контраст деяниям человека: он темное пятно среди чудной картины, он один нарушает законы Предвечного, он один в союзе с творящей и зиждительной ее силой. Как чудно и увлекательно нарисованы Л. Н. Толстым Кавказские и Крымские ночи, во время которых человек убивает себе подобных, страдает, стонет и сам умирает! И великий художник недоумевает: “Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой – этим непосредственным выражением красоты и добра” и действительно ни в одном из идущих на войну в рассказах Л. Н. Толстого нет ни капли этой злобы, в них нет и мысли чинить зло и не сознают они, что бессознательно, невольно идут в разрез с своей собственной природой» (П, с. 18). На наш взгляд, в данном случае выглядит откровенной натяжкой попытка критика провести аналогию между мыслями и чувствами

автора и его героев на основе пропагандистского концепта «праведности русского воина»: антивоенный месседж Толстого звучит прямо и недвусмысленно и своей яркой образностью и логичностью не идет ни в какое сравнение с бледным логизированием Пактовского. На наш взгляд, критик поддался очарованию проповеди Толстого, как бы забыв о настоящей цели своего очерка.

Противоречие в построениях Пактовского наблюдается и при реализации пропагандистского концепта «внушение доверия населения к лидерам». С одной стороны, критик принципиально отказывается от применения сатирических мотивов, столь существенных в военной прозе Толстого: «Эта же великая сила, именуемая любовью к родине, должна быть и в тех миллионах, которые остаются в стране при обычных своих общественных работах. Нет ее только там, где царит произвол, где еще в силе грубая эксплуатация, где общественные функции отправляют невежественные самохвалы. Что делать... “Семья не без уроды, и хлебное поле не без сорных трав”, а потому и не будем говорить о них: они найдут себе достойную оценку, а теперь... они сами о себе кричат довольно. Мимо, мимо их!» (П, с. 9–10). Тем самым он нивелирует выраженные в военных рассказах писателя социальные противоречия между представителями родовитой знати и простыми солдатами и офицерами, как деструктивные для пропагандистского концепта «единства нации». С другой стороны, он аннигилирует в своем дискурсе всякое упоминание о царе как богоизбранном главе нации и защитнике отечества, даже в связи с освещением военного творчества другого героя своего очерка – Гаршина, для военно-патриотического дискурса которого, как показал С. Дурылин, концепт царя играл конструктивную, даже ключевую роль [Дурылин, 1935]. Очевидно, что без этого концепта вся пропагандистская конструкция «единства нации», заявленная в очерке Пактовского, оказывается в неустойчивом положении. Однако в данном случае критик всего лишь повторял месседж военных рассказов Толстого, в которых царь появляется только в «Войне и мире», да и то в неоднозначном освещении, обусловленном натуралистической поэтикой «принижения жизни» (К. Леонтьев) [Шкловский, 1928, с. 75]. Во всяком случае, у Пактовского как автора рассматриваемого очерка наблюдается упадок личной преданности царю. И для его аудитории отсутствие упоминания царя в пропагандистском тексте, видимо, было делом самым обычным и не вызывало вопросов.

Резюмируя наши наблюдения, отметим, что Пактовский создавал свой военно-патриотический дискурс на основе установки Толстого на «правдивое» изображение войны, по формулировке Ищука, «трудных будней войны с ее

кровью и страданием, с подлинным, а не показным мужеством солдат и бывалых <...> офицеров» (П, с. 31). Как показал Ищук, эти установки привели писателя к пацифизму «Севастополя в мае» и сатирическим в отношении царя стихам. Антивоенный месседж Толстого находил глубокий отклик в сердцах его «первоочитателей». Следуя за Толстым в передаче войны и ее страданий, Пактовский, в конечном итоге, также отразил все противоречия военного месседжа писателя, весьма далекого от норм военной пропаганды. Не потому ли критик считал свой очерк «слабым» (П, с. 50), что увидел некоторую натянутость своих логических построений на основе чужеродного его целям материала? Тем не менее он посчитал возможным его опубликовать. Какова же настоящая цель его издания? На наш взгляд, ответ на этот вопрос содержится в призыве Пактовского к русским писателям донести до их читателей правдивую информацию о событиях русско-японской войны: «И мы должны, обязаны знать, какую ценою русские воины купят теперь наше спокойствие, наше будущее благополучие, чем они заплатят за наши интересы на Дальнем Востоке. Одних официальных телеграмм для этого недостаточно» (П, с. 44). То есть в подтексте очерка Пактовского содержится **требование правды**⁷ в передаче происходящего на полях боевых действий по образцу классических описаний Толстого и Гаршина. Наше предположение также подтверждается дискурсивным контекстом. В предисловии к «Истории русско-японской войны» 1907 года издания была зафиксирована массовая фальсификация военной информации, которую практиковала официальная пропаганда того времени: «Почерпая сведения об этой полной неожиданности войне из агентских телеграмм, из сообщений многочисленных корреспондентов, русская публика не могла, да и теперь не может составить себе достаточно верное, ясное и цельное представление об общем ходе операций во всем их грандиозном объеме. Агентские телеграммы всегда грешили поспешностью и часто не соответствовали истине; этим же недостатком страдали и сообщения корреспондентов, в статьях замечалась страстность и односторонность, а официальные донесения также подчас грешили против истины, иногда в силу необходимости, а иногда и намеренно» [Молчанова, 2016, с. 94–95]. В свете этой характеристики деятельности официальной пропаганды становится, между прочим, понятно отсутствие в очерке Пактовского какой-либо информации о происходящем на Дальнем Востоке. Его призыв к русским писателям звучит как настоящий «крик души». А авторитет Льва Толстого, с совершенным им «поворотом к правде и реализму» [Ищук, 1984, с. 31], служил нашему критику гарантией, что его «крик» не окажется «гласом вопиющего в пустыне».

⁷ Выделено нами. – В. Ч.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гус, М.** Предисловие / М. Гус // Ласвель Гарольд. Техника пропаганды в мировой войне: сокращ. перевод с англ. в обработке / Ласвель Гарольд; переводчик Н. М. Потапов; с предисл. М. Гуса. – Москва; Ленинград: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1929. – С. 5–23.
2. **Дурылин, С. Н.** Гаршин у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне / С. Н. Дурылин // Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века / под ред. Влад. Бонч-Бруевича, Л. Б. Каменева и А. В. Луначарского. – Москва; Ленинград: ACADEMIA, 1935. Т. 5. – С. 610–646.
3. **Ищук, Г. Н.** Лев Толстой. Диалог с читателем / Г. Н. Ищук. – Москва: Книга, 1984. – 191 с.
4. **Лассуэлл, Г. Д.** Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. / Г. Д. Лассуэлл; РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований, Отд. политической науки, Отд. социологии и социальной психологии; сост. и переводчик В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко; вступ. статья Д. В. Ефременко, И. К. Богомолова. – Москва: ИНИОН РАН, 2021. – 237 с.
5. **Молчанова, Д. С.** Отечественный военный лубок и открытка (на примере периода русско-японской войны 1904–1905 гг.): специальность: 05.25.03 – библиотековедение, библиографоведение и книговедение : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Дарья Сергеевна Молчанова. – Москва, 2016. – 287 с.
6. **Пактовский, Ф. Е.** Русские на войне по произведениям Вс. М. Гаршина и Л. Н. Толстого: Лит. очерк Ф. Е. Пактовского / Ф. Е. Пактовский. – Моршанск: изд. типо-лит. В. И. Холуянова, 1905. – 50 с.
7. **Шкловский, В. Б.** Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир» / В. Б. Шкловский. – Москва: Федерация, 1928. – 249 с.

REFERENCES

1. **Durilin, S. N.** Garshin u L. N. Tolstogo v Yasnoi Polyane / S. N. Durilin // Zvenya. Sbornik materialov i dokumentov po istorii literaturi, iskusstva i obshchestvennoi misli XIX veka / pod red. Vlad. Bonch-Bruevicha, L. B. Kameneva i A. V. Lunacharskogo. – Moskva; Leningrad: ACADEMIA, 1935. T. 5. – S. 610–646.
2. **Gus, M.** Predislovie / M. Gus // Lasvel Garold. Tekhnika propagandi v mirovoi voine: sokrashch. perevod s angl. v obrabotke/ Lasvel Garold; perevodchik N. M. Potapov; s predisl. M. Gusa. – Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo. Otdel voennoi literaturi, 1929. – S. 5–23.

3. **Ishchuk, G. N.** Lev Tolstoi. Dialog s chitatelem / G. N. Ishchuk. – Moskva: Kniga, 1984. – 191 s.
4. **Lassuell, G. D.** Tekhnika propagandi v mirovoi voine: perevod s angl. / G. D. Lassuell; RAN. INION. Tsentr sotsial. nauchn.-inform. issledovaniy, Otd. politicheskoi nauki, Otd. sotsiologii i sotsialnoi psikhologii; sost. i perevodchik V. G. Nikolaev; otv. red. D. V. Yefremenko; vstup. statya D. V. Yefremenko, I. K. Bogomolova. – Moskva: INION RAN, 2021. – 237 s.
5. **Molchanova, D. S.** Otechestvennii voennii lubok i otkritka (na primere perioda rusko-yaponskoi voini 1904–1905 gg.): spetsialnost: 05.25.03 – bibliotekovedenie, bibliografovedenie i knigovedenie: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk / Darya Sergeevna Molchanova. – Moskva, 2016. – 287 s.
6. **Paktovskii, F. Ye.** Russkie na voine po proizvedeniyam Vs. M. Garshina i L. N. Tolstogo: Lit. ocherk F. Ye. Paktovskogo / F. Ye. Paktovskii. – Morshansk: izd. tipo-lit. V.I. Kholuyanova, 1905. – 50 s.
7. **Shklovskii, V. B.** Materyal i stil v romane Lva Tolstogo «Voina i mir» / V. B. Shklovskii. – Moskva: Federatsiya, 1928. – 249 s.